

ОХРАНИНИК

ДЛЯ МАГА

Олег Белов

Охранник для мага

«Автор»

2026

Белов О.

Охранник для мага / О. Белов — «Автор», 2026

Мир трещит по швам. Короли правят через кукол-двойников, магические школы готовят убийц, а реальность медленно стекает в инферно-воронку. Кто спасёт всё? Герой с благородным сердцем? Избранный пророк? Как бы не так. Рэкет — циничный пропойца, которого не берут ни пуля, ни магия. Его суперсила — хроническое похмелье и полное отсутствие моральных ориентиров. Его задание: доставить нахального подростка с магией гниения в элитную школу. Цена вопроса — тайна собственного бессмертия. Культ безумного короля готов обрушить хаос на всё живое. А единственный, кому плевать на великие цели, — это Рэкет. Он выпьет вашу мечту. Он выкурит ваш подвиг. И если вы не заткнётесь — он выбросит вас в окно. Но почему-то именно этот циничный таракан оказывается последним якорем реальности. Добро пожаловать в тёмное фэнтези, где юмор соседствует с жестокостью, а спасение мира начинается с похмелья.

© Белов О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	16
Г	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Олег Белов

Охранник для мага

Пролог

КОРОЛИ И КУКЛЫ

Свет в кабинете северного крыла дворца Сан-Ласко мигал, как пульс умирающего старика.

Магический кристалл в медной оправе на потолке то разгорался, то сжимался в тусклую точку, и при каждом таком вздохе тени на гобеленах оживали — выцветшие короли на выцветших конях начинали судорожную пляску, будто кто-то дергал их за невидимые нитки. Лучшего места для переговоров нельзя было придумать, если, конечно, твоя цель — окончательно добить собеседника тоской. Стены давили, потолок терялся где-то в сумерках, и пахло здесь воском, старым пергаментом и чем-то ещё. Чем-то сладковатым, приторным, как компот из переспелых фруктов, который оставили на солнце.

Король Золотой Бзды - Пирил терпеть не мог этот запах.

Он сидел в кресле с высокой спинкой, чуть развернувшись к окну, и наблюдал, как закат окрашивает столицу Пургении в грязно-медные тона. Свет кристалла падал на его лицо — молодое, красивое, с высокими скулами и светлыми волосами до плеч. Лицо пророка с обложки еретической библии, если бы такой существовал. Только пророки обычно не сжимают подлокотники с такой силой, что костяшки белеют.

— ...и поэтому, ваше величество, я предлагаю не просто перемирие. Я предлагаю союз.

Голос говорившего был идеален. Нижние ноты для весомости, паузы для глубины мысли, грамматически безупречные конструкции без единого сокращения. Пирил не слушал. Он считал.

Шестьдесят восемь ударов пульса. Зрачки сужены — оценка или ложь. Левая бровь поднимается на полмиллиметра при слове «варварство». Правая рука лежит на столе слишком расслабленно, будто её владельцу плевать, что он сейчас скажет, потому что он вообще не понимает, зачем здесь находится.

— Не против третьей стороны — против самой природы конфликта. Мы, короли, должны подать пример. Показать, что старые распри — это пережиток прошлого.

Пирил наконец повернул голову.

Напротив, откинувшись в кресле, сидел король Ефрей. Седые волосы, зачёсанные назад, цепкий взгляд, дорогой камзол. Всё на месте. Всё правильно. Слишком правильно.

Знаешь, в чём проблема кукол? — подумал Пирил. Они не умеют ошибаться. Идеальная осанка, идеальная речь, идеальный жест — «пальцы домиком», когда надо выглядеть задумчивым. Настоящий человек через час переговоров уже расстегнул бы верхнюю пуговицу или почесал затылок. Настоящий человек — это несовершенство.

Эта же штукавина даже дышала через раз, потому что кто-то запрограммировал её «дышать естественно», и она делала это с частотой метронома.

— Ваше величество, — голос куклы стал чуть настойчивее. — Я жду ответа.

Пирил выдержал паузу. Пять ударов сердца. Пять тихих «тук-тук» в тишине кабинета, где даже стражники у дверей застыли как мебель — два силуэта в белых плащах с капюшонами, ни жеста, ни вдоха.

— Варварство, — повторил Пирил тихо, с лёгкой улыбкой. — Хорошее слово. Вы любите слова, Ефрей. Вы строите из них дворцы, а внутри — пустота.

Он поднялся. Плавно, без рывков, как хищник, который уже выбрал момент, но не спешит. Стражники за спиной не шелохнулись.

Кукла напротив изобразила удивление. На миллисекунду быстрее, чем следовало, — там, в её черепе, микросхемы уже просчитали «вероятную реакцию собеседника» и выдали соответствующий паттерн. Пирил заметил это. Он замечал всё.

— Я пришёл сюда не за союзом, — сказал он, делая шаг к столу. — Я пришёл посмотреть правде в глаза. И вижу... — ещё шаг, теперь его отделяли от стола только два локтя. — ... речь, которую произносили сто раз до вас. Жесты, которые репетировали. Даже морщины на лбу — и те симулированы.

Кукла открыла рот, чтобы ответить.

Меч Пирила уже был у него в руке.

Стражники не видели, как он его достал. Никто не видел. Клинок с гардой в виде распятых крыльев просто появился из ниоткуда — может, из тени, может, из воздуха, может, из той самой пустоты, о которой он только что говорил.

Удар занял меньше секунды.

Клинок вошёл в шею чуть выше ключицы, прошёл через позвонки, как через сливочное масло, и вышел с другой стороны, снося половину шейного отдела. Голова куклы отлетела к стене, ударилась о гобелен с рыцарем, проехала по ковру и застыла, уставившись в потолок стеклянными глазами. Тело ещё мгновение сидело в кресле — прямая спина, сложенные домиком пальцы, — потом завалилось набок и сползло на пол.

Тишина.

Ничего не происходило. Никто не кричал, никто не звал стражу. Стражники Пирила у дверей стояли как изваяния.

А потом пошёл звук.

Сначала тихий, влажный — *чвак-чвак*, будто кто-то месил глину. Потом громче. Из обрубка шеи ударил фонтан. Но не крови. Жидкость была густой, розовой, с металлическим отливом, и текла она медленно, как смола, как рыбий жир в холодную погоду. Она залила кресло, растеклась по столу, капнула на карту Пургении, превратив зелёные равнины в грязно-розовые пятна.

Сладкий запах ударил в ноздри в десять раз сильнее.

Пирил стоял рядом с этим фонтаном, не двигаясь, не отворачиваясь. Жидкость попадала ему на лицо, на светлые волосы, на белый камзол с золотым шитьём. Он не моргнул.

— Мир погряз в фальши, — сказал он тихо, почти ласково, когда фонтан начал иссякать. — Но скоро я смою её. Хаосом.

Он вытер меч краем собственного плаща — жест брезгливости и почти религиозного отвращения. Потом повернулся к стражникам, но не к своим — тем, кто должен был охранять кабинет Ефрея. Два силуэта в серых плащах застыли у входа, как вкопанные.

— Вы видели это, — сказал Пирил. Не вопрос. Утверждение.

Серые стражники молчали. Один из них судорожно сглотнул. Второй просто стоял, глядя в пол.

— Хорошо, — кивнул Пирил. — Значит, умрёте с открытыми глазами.

Он взмахнул мечом, и тишину разорвал влажный хруст.

—

— *Ты мог бы предупредить, что он псих.*

— *А ты бы мне поверил?*

— *Нет.*

— *Вот и я о том же.*

Голоса звучали из-за гобелена. Того самого, где рыцарь проигрывал битву дракону — выцветшие нитки, отваливающаяся голова победителя, победно расправленные крылья чудовища.

Гобелен сдвинулся в сторону. Бесшумно, как всё в этом проклятом дворце.

Из проёма вышли двое.

Первый был старше своей только что обезглавленной копии лет на двадцать. Седина в чёрных, зачёсанных назад волосах, лицо в морщинах, под глазами мешки — такие бывают у людей, которые не спали нормально лет десять. Одет просто: тёмный дорожный плащ, никаких регалий, никаких золотых побрякушек. С первого взгляда — уставший казначей, который всю ночь сводил дебет с кредитом и теперь хочет только одного — выпить и лечь спать.

Но глаза.

Глаза у него были цепкие, живые. И холодные. Такие глаза бывают у людей, которые считают не овец перед сном, а варианты развития политического кризиса.

— Ваше величество, — сказал невысокий лысый старик с посохом, идущий за ним следом. — Могу я?

— Давай, Бродик, — ответил Ефрей. Он смотрел на Пирила, который замер с мечом на полпути к следующей жертве.

Бродик поднял посох — чёрное дерево, навершие в виде сжатого кулака. Импульса никто не увидел. Не было вспышки, не было треска, не было даже движения воздуха. Просто что-то серое, тусклое, похожее на удар кулаком на огромной скорости, вылетело из навершия и врезалось Пирилу в затылок.

Точно в затылок. В точку между черепом и первым позвонком, где заканчивается одна кость и начинается другая.

Пирил не вскрикнул. Он просто рухнул лицом в пол, как срубленное дерево. Меч выпал из руки и с лязгом ударился о каменные плиты, высекая искры.

Наступила тишина. Такая, в которой слышно, как розовая жижа капает со стола на ковёр.

—

Ефрей не торопился. Он подошёл к телу лже-короля, перевернул его ногой на спину, наклонился.

Затылок был разбит. Вместо черепа и мозга — паутина тончайших серебряных проводов. Микроскопические кристаллы, впаянные в серое вещество. В глубине что-то пульсировало — размером с голубиное яйцо, покрытое перламутровой плёнкой, похожей на мыльный пузырь.

— Ну что, Бродик? — спросил Ефрей, не поднимая головы. — Каков вердикт?

Бродик присел рядом, опираясь на посох. Его длинная седая борода, заплетённая в косички с металлическими кольцами, едва не касалась лужи на полу.

— Дорогой экземпляр, — прошептал он скрипучим голосом. — Самообучающийся контур, сенсорная матрица, эмоциональный модуль. Он не просто реагировал на фальшь, государь. Он *чувствовал* её. Это уровень мастерской Кристального трона, не ниже.

— Значит, настоящий Пирил всё же жив, — Ефрей выпрямился и посмотрел на стражников в белых плащах. Те двое, что пришли с лже-королём, по-прежнему стояли у дверей. Не двигались. Не дышали. Только один... чуть слышно: *дзынь*. Металл о металл. Под плащом.

— Или, — продолжил Ефрей, — он тоже здесь.

Бродик кивнул. Он уже поднимал посох, но Ефрей остановил его жестом.

— Погоди. Сначала охрана.

Он повернулся к серым стражникам у входа. Трое. Двое живых и один, который лежал в луже крови — Пирил всё-таки успел достать его, прежде чем рухнул. Ефрей посмотрел на выживших долгим взглядом.

— Вы видели куклу. Видели, как этот ублюдок её убил. Скажете кому-то — начнётся охота на ведьм. Только ведьмами будут все, кто чихнул не в ту сторону. Паранойя сожрёт королевство за месяц.

Серые стражники молчали. Тот, что сглотнул, сейчас стоял с каменным лицом, но на лбу у него выступила испарина. Второй просто смотрел в стену.

— Сколько? — спросил Ефрей у Бродика.

Маг закрыл глаза. На секунду его лицо стало отсутствующим, как у человека, который прислушивается к чему-то на грани слышимости.

— Семнадцать человек в зоне видимости. Плюс эти двое. Минус один — тот, в углу, уже не дышит, сердечный приступ. Шестнадцать.

— Приказ, — Ефрей сказал это так же, как сказал бы «подай мне вина». — Ликвидировать всех. Быстро и тихо.

Первый серый стражник дёрнулся. Он открыл рот, собираясь заговорить — может, умолять, может, кричать, — но не успел. Никто не успел. Из тени у двери, из того места, где, казалось, никого не было, выскользнула рука в серой перчатке. Что-то коротко хрустнуло, и стражник осел на пол, как мешок с картошкой.

Второй даже не дёрнулся. Он просто закрыл глаза и принял смерть, когда холодное лезвие вошло ему под ребра.

Ефрей не смотрел. Он стоял у окна, глядя на горизонт, где закатное небо встречалось с чем-то... не тем. С чем-то грязно-фиолетовым, пульсирующим, похожим на синяк на теле мира.

— Удвойте вдовьи пенсии, — сказал он, не оборачиваясь. — Нет, тройную. Пусть плачут искренне.

Бродик кивнул, отдавая распоряжения жестами. Тени за его спиной растворялись в темноте — «Тихая стража», бесшумные убийцы в серых плащах, которые не были магами, но которых учили убивать магов. Пять секунд — и шестнадцать человек, видевших сегодня слишком много, перестали существовать.

— Государь, — прошептал Бродик. — Ваш приказ исполнен.

Ефрей кивнул, не поворачиваясь.

— Подойди сюда. Посмотри на это.

Бродик подошёл к окну. Посмотрел на горизонт, где грязно-фиолетовое пятно пульсировало в такт его собственному сердцу.

— Хрустальные горы, — сказал он. — Это очень плохо, государь.

— Я знаю.

Дверь в кабинет распахнулась без стука. Влетел молодой офицер в грязной форме, лицо в саже, левая рука висит на перевязи. Забыв про этикет, забыв про всё на свете, он выпалил:

— Ваше величество! Докладываю...

— Докладываешь по форме, капитан, — перебил Ефрей, даже не обернувшись. — Я не люблю, когда на меня кричат. Спокойно. По порядку.

Офицер судорожно сглотнул, вытянулся, сделал глубокий вдох.

— Час назад, государь. Дворец атакован. Три группы сэн-синов. Одну отбили у южных ворот, вторую зачистили в кухонном крыле. Третья прорвалась... — голос у него сел, — в детское крыло. Принц не пострадал, няня закрыла собой. Но сэн-сины... их тела после смерти превратились в кашу. Органическую. Живую. Пришлось сжигать.

Ефрей наконец повернулся. Лицо не изменилось, ни одна морщина не дёрнулась, но Бродик заметил: пальцы на подлокотнике кресла сжались так, что побелели костяшки.

— Сэн-сины из культовых лабораторий Бзды. Понятно. Что ещё?

— Второе, государь. Дозорные из Хрустальных гор. Прорыв. Большой. Инферно-воронка открылась у северного склона, прямо над старым рудником. Размер — по предварительной

оценке, десять локтей в диаметре. Расширяется примерно на локоть в день. Маги барьера изнемогают. Они просят... умоляют о подкреплении. Любыми магами. Даже неподготовленными.

Тишина.

Такая тишина, в которой слышно, как розовая жижа всё ещё капает со стола на ковёр. Кап. Кап. Кап.

— Он не врёт, — сказал Бродик, открывая глаза. — Я вижу отголоски. Энергия Хаоса, государь. Её слишком много. Это не природный разрыв. Его *открыли*. С той стороны. Кто-то в Бзде знает, что делает. И у них есть чертежи.

Ефрей молчал. Он смотрел на тело Пирила — не Пирила, куклы, двойника, — которое лежало на полу с разбитым затылком и паутиной проводов вместо мозга. Смотрел на застывшую улыбку на лице лже-короля — программисты даже это записали в паттерны.

— Бродик.

— Да, государь.

— Забирай «Тихую стражу» и дуй в Хрустальные горы. Не сражаться — держать. Сдерживайте воронку любой ценой. Я найду того, кто её открыл, и вырву ему позвоночник через рот. Но мне нужно время. Неделя. Дай мне неделю.

Бродик поклонился. Длинная седая борода коснулась пола.

— Сделаю, государь. Но... маги у меня слабые. Боюсь, не вытянут дольше трёх дней.

Ефрей подошёл к столу. Посмотрел на графин с бордовой жидкостью. Не взял.

— Тогда тани три. А я за три дня найду решение. Или найму того, кто его найдёт.

Он на секунду замолчал. Потом усмехнулся — горько, одними уголками губ.

— Нужно собрать совет. И... — он снова посмотрел на фиолетовое пятно на горизонте, которое теперь пульсировало чаще, будто у этого мира поднималось давление. — ...нужно найти пару идиотов, которые согласятся на невозможную работу. Все умные уже либо мертвы, либо работают на того, кто стоит за этой воронкой.

—

В кабинете северного крыла дворца Сан-Ласко гас свет. Магический кристалл в медной оправе мигнул в последний раз и погас — то ли сел аккумулятор, то ли просто устал поддерживать иллюзию.

На полу лежали два тела.

Одно — в луже розовой жижи с металлическим отливом, сладкой и приторной, как прокисший компот. Второе — с разбитым затылком и паутиной проводов вместо мозга.

У стены застыли трое в серых плащах, дожидаясь приказа убрать улики.

А за окном, на горизонте, небо пульсировало грязно-фиолетовым, и этот пульс был похож на сердцебиение — слишком быстрое, слишком неровное, слишком громкое.

Прислушайся.

Тук-тук-тук.

Это не закат стучится в двери реальности.

Это Хаос.

И он хочет войти.

Глава 1

«Похмелье и пираты»

Сон был тяжёлым, липким и бессмысленным — из тех снов, какие снятся только после третьей бутылки дешёвого рома, когда печень уже не столько фильтрует, сколько скорбит. Рэкету снилось, что он — статуя. Огромная, гранитная, установленная на главной площади какого-то города, которого он никогда не видел. Голуби садились ему на голову и гадили с особым, церемониальным усердием. Солнце палило. Ветер нёс пыль. А он стоял и не мог пошевелиться — только смотрел, как мимо проходят люди, тычут в него пальцами и спорят, кого именно он изображает. «Герой», — говорили одни. «Пьяница», — возражали другие. И самое паршивое было в том, что правы были все.

Проснулся он не от крика.

Проснулся он от того, что крик внезапно прекратился, а тишина, наступившая после него, была ещё хуже. Такая тишина бывает только перед тем, как что-то взорвётся, или после того, как что-то уже взорвалось, но ты ещё не понял, что именно.

Рэкет разлепил один глаз. Глаз не обрадовался тому, что увидел, и попытался закрыться обратно. Рэкет ему не позволил.

Таверна «Верблюжий плевок» выглядела приблизительно так, как называлась. Вчера, когда он сюда зашёл, здесь было просто грязно. Сегодня — грязно, плюс последствия вчерашнего. Последствия в виде перевёрнутых стульев, лужи чего-то, что он не стал бы идентифицировать даже под присягой, и собственной головы, которая лежала на столе в окружении пустых кружек, как королевская голова — в окружении подушек. Только подушки не воняли прокисшим вином.

Второй глаз он открывать не стал. Хватит и одного. Один глаз — это уже роскошь.

Во рту было так, словно там переночевал целый эскадрон кавалерии, причём лошади не снимали подков. Рэкет пошевелил языком. Язык ответил сухим, шершавым проклятием и попросил воды. Рэкет мысленно послал его к чёрту. Вода — для слабаков и для тех, кто ещё не понял, что обезвоживание можно лечить тем же, чем его вызвал.

Он как раз размышлял над этой глубокой философской мыслью, когда дверь таверны распахнулась и внутрь влетел мальчишка. Не вошёл, не заглянул, а именно влетел — как ядро из пушки, только менее разрушительный и более шумный.

— Пираты!!! — заорал он так, что Рэкет почувствовал, как его глаз дёргается. — Пираты в бухте!!! Три шхуны!!! Они уже причаливают!!!

В таверне, которая до этого была пуста (потому что нормальные люди в девять утра либо работают, либо спят, а не торчат в «Верблюжьем плевке»), началось какое-то шевеление. Трактирщик — мрачный тип с лицом, напоминавшим печёную картофелину, — выронил кружку. Кружка разбилась. Трактирщик посмотрел на осколки с таким выражением, словно это была не кружка, а его последняя надежда на счастливую старость.

Рэкет не шевелился. Ему было плохо. Ему было так плохо, что даже новость о пиратах не могла пробиться сквозь толстый слой похмельного отупения. Пираты? Ну пираты. В море Кабздец пираты водились всегда, как вши в солдатской казарме. Это было не новостью, а климатическим явлением.

Мальчишка тем временем продолжал орать. Его голос — высокий, визгливый, проникающий прямо в мозг, минуя уши, — действовал на Рэкета примерно так же, как зубная боль. То есть вызывал острое желание кого-нибудь убить.

— ...и они уже грабят портовые склады!!! — надрывался мальчишка. — И капитана стражи убили!!! И...

Рэкет медленно, очень медленно поднял голову со стола. Это было ошибкой. Мир качнулся, сделал неуверенный реверанс и попытался упасть набок. Рэкет удержал его усилием воли. Или, возможно, усилием злости — что в его случае было примерно одним и тем же.

— Заткнись, — сказал он.

Мальчишка не заткнулся.

— А ещё они требуют выкуп!!! Тысячу золотых!!! Иначе сожгут весь город!!!

— Заткнись, — повторил Рэкет. Голос его был тихим и хриплым, но в нём было что-то такое, отчего трактирщик инстинктивно отступил на шаг и спрятался за стойкой.

Мальчишка наконец заметил его. Заметил — и, судя по выражению лица, не впечатлился. Что было понятно: Рэкет сейчас выглядел не как герой, способный спасти город, а как человек, которому самому требуется спасение. Желательно — в виде бутылки чего-нибудь крепкого и затемнённой комнаты на ближайшие трое суток.

— Вы... вы что, не слышали?! — Мальчишка аж подпрыгивал от возбуждения. — Там пираты!!!

— Я слышал, — сказал Рэкет. — Я не глухой. Я похмельный. Это разные вещи.

Он упёрся ладонями в стол и поднялся. Процесс занял больше времени, чем ему хотелось бы, и сопровождался разнообразными звуками со стороны позвоночника. Позвоночник явно был недоволен тем, что его заставляют работать в такой час.

Мир вокруг всё ещё покачивался, но уже не так сильно. Рэкет сделал шаг. Ещё шаг. Тело слушалось плохо, как старая лошадь, которую слишком рано запрягли, но шло. Этого было достаточно.

Он вышел из таверны, шурясь от солнца.

Солнце было мерзким. Оно висело над бухтой, большое, жёлтое и до отвращения бодрое, и поливало всё вокруг таким количеством света, что у Рэкета мгновенно заболели глаза. Он прикрыл их ладонью и огляделся.

Порт Ля-Бомбер был живописен в том же смысле, в каком живописен гнойный нарыв. Деревянные пирсы, построенные ещё при прошлом короле, покосились и вросли в воду. Склады, крытые просмоленной дранкой, выглядели так, словно их жевали, но выплюнули. Улицы были завалены рыбьими костями, битой глиняной посудой и прочим мусором, который жители выбрасывали прямо за порог по принципу «авось прилив унесёт». Прилив не уносил. Приливу тоже было лень.

А в бухте стояли три шхуны.

Они были чёрными, низкими и хищными — такие корабли строили не для торговли, а для того, чтобы другие корабли не доплывали до места торговли. На палубах мелькали фигуры: кто-то тащил награбленное, кто-то размахивал саблей, кто-то просто орал, создавая атмосферу. Пираты. Самые настоящие. С чёрными флагами, на которых вместо черепа был изображён спрут, обвивающий якорь, и с пушками, нацеленными на город.

Рэкет посмотрел на них. Посмотрел на солнце. Посмотрел на свою тень, которая лежала у ног, как дохлая собака. Затем глубоко вздохнул — и поморщился, потому что воздух в Ля-Бомбере был примерно такого же качества, что и выпивка.

— Даю вам десять минут, — крикнул он.

Крикнул негромко, но ветер дул в сторону моря, и слова понеслись над пирсом, ударяясь о сваи и подпрыгивая на волнах. Несколько пиратов на ближайшей шхуне повернули головы.

— Убраться, — продолжал Рэкет тем же ровным, усталым голосом. — Заткнуться. Я считать умею. До десяти. И это угроза.

Тишина. Затем смех.

Пираты смеялись громко, заливисто, с тем особым энтузиазмом, который бывает только у людей, уверенных в своей безнаказанности. Смеялся капитан — здоровенный детина с бородой до пояса и золотой серьгой в ухе, больше похожей на корабельный штурвал. Смеялись матросы

— коренастые, загорелые, с ножами за поясами и шрамами на рожах. Смеялся даже юнга — тощий парнишка, который держал в руках абордажную саблю, явно слишком тяжёлую для него.

Рэкет не смеялся. Он стоял на пирсе и ждал.

— Это что за чучело?! — крикнул капитан, вытирая слёзы. — Ты себя в зеркале видел, пьянь?! Ты нам угрожать вздумал?! Ты один, а нас — шестьдесят рыл!!! Шестьдесят!!! Ты считать-то умеешь, храбрец облёванный?!

— До десяти, — повторил Рэкет. — Пока до десяти.

Капитан перестал смеяться. Не потому, что испугался, а потому, что ему надоело. Он махнул рукой, и один из матросов бросился к пушке, стоявшей на носу шхуны.

— Сейчас я тебе покажу, как с пиратами разговаривать, — пообещал капитан. — Будешь рыбам сказки рассказывать. Если они тебя не выблюют.

Матрос поднёс факел к запалу.

Рэкет вздохнул. В его вздохе было всё: и тяжёлое похмелье, и недосып, и острое отвращение к людям, которые не понимают, когда им дают шанс. Он не двинулся с места. Даже не напрягся.

Пушка рявкнула.

Ядро — чугунное, размером с человеческую голову, магически усиленное для большей убойности — вылетело из ствола и понеслось прямо в него. Рэкет видел, как оно приближается. Видел, как воздух дрожит вокруг раскалённого металла. Видел, как капитан скалитися в предвкушении.

Ядро ударило его в грудь.

Звук был такой, словно кто-то со всего размаху шарахнул кувалдой по наковальне — глухой, тяжёлый, уходящий в землю. Рэкета снесло с пирса и отбросило назад, прямо в стену таверны. Он пробил доски, пролетел сквозь помещение, снёс стойку, за которой прятался трактирщик, и врезался в заднюю стену, где и застрял среди бочек с прокисшим пивом.

Пыль. Щепки. Тишина.

— Ну вот, — сказал капитан удовлетворённо. — А говорил — до десяти.

Матросы засмеялись. Юнга засмеялся. Даже чайки, кажется, засмеялись — хотя чайкам в Ля-Бомбере было не до смеха, они вообще сюда старались не залетать.

А потом из пролома в стене вышел практически голый Рэкет.

Одежда его была уничтожена. От рубахи, штанов и плаща остались лишь дымящиеся лохмотья, свисавшие с тела, как шкура с линяющей змеи. Сапоги разорвало в клочья, и он стоял босиком на расщеплённых досках. На теле — ни царапины. Ни синяка. Ни ссадины. Только на груди, там, куда пришёлся удар, виднелось небольшое серое пятно — как от грязного снега.

В руке он держал трактирный якорь.

Это была не метафора. Трактир «Верблюжий плевок», как и любое приличное заведение в портовом городе, имел собственный якорь на случай штормов. Якорь был старый, ржавый и весил примерно столько же, сколько сам Рэкет. Трактирщик использовал его, чтобы подпирать дверь в погреб — на случай, если посетители решат туда залезть без спросу. Сейчас якорь висел в руке Рэкета, и ржавчина с него осыпалась на доски, как сухая кровь.

В бухте воцарилась гробовая тишина.

Капитан открыл рот, чтобы что-то сказать, но, видимо, в голове была пустота и штиль. Лицо его медленно меняло цвет — с красного на бледно-серый, как у человека, который только что увидел, как в его уютный, понятный мир ворвалось что-то, чему там быть не полагалось.

— Это... — начал он.

Рэкет раскрутил якорь на цепи.

Движение было лёгким, почти небрежным — так женщина раскручивает над головой зонтик, проверяя, не сломаны ли спицы. Цепь запела. Воздух завибрировал. Якорь превратился в размытое серое кольцо, издававшее низкий, утробный гул.

— ...невозможно, — закончил капитан.

Рэкет метнул якорь.

Тот пролетел над пирсом, над водой, над головами оцепеневших матросов — и врезался в борт ближайшей шхуны. Только не остановился. Якорь прошёл навывлет — сквозь обшивку, сквозь внутренние переборки, раскидывая пушки и бочки с ромом, сквозь всё, что попадалось на пути, — и вылетел с другой стороны, утаскивая за собой клочья дерева, обрывки такелажа и чью-то оторванную руку в придачу.

Шхуна вздрогнула, как смертельно раненый зверь, и начала заваливаться набок.

— Мать твою... — прошептал юнга и выронил саблю.

Дальнейшее напоминало не бой, а избиение. Или, если быть точным, стихийное бедствие, которое по недоразумению приняло форму голого похмельного мужчины с трактирным якорем.

Рэкет не бегал. Не прыгал. Не уворачивался. Он просто шёл вперёд, и всё, что оказывалось у него на пути, переставало существовать. Пираты пытались стрелять из арбалетов — болты отскакивали от его кожи, оставляя только крошечные белые точки. Пираты пытались рубить его саблями — клинки гнулись, ломались или просто вылетали из рук, как будто били по каменной стене. Один маг — штатный корабельный чародей, которого держали для защиты от враждебных заклинаний, — попытался поразить его огненным шаром. Шар врезался в Рэкета, окутал его пламенем — и погас, оставив на коже лишь слой копоти, который Рэкет раздражённо стёр ладонью.

— Мешаешь, — сказал он магу.

Маг побежал. Рэкет не стал его преследовать — ему было лень.

Вместо этого он вырвал из пирса опорную сваю — толстенное бревно, вбитое в дно бухты ещё при строительстве порта, — и швырнул её во второй фрегат. Свая пробила борт. Фрегат закрипел и начал набирать воду.

Вокруг кричали. Бегали. Падали в воду, поднимая тучи брызг. Где-то горели обломки первой шхуны. Где-то тонула вторая. Капитан — тот самый бородатый детина — сидел на коленях у края пирса и смотрел на происходящее с выражением человека, который пришёл в церковь, а оказался в борделе, и теперь пытается понять, на каком именно этапе произошла ошибка.

Третья шхуна попыталась уйти. Паруса её надулись ветром, корпус развернулся. И тут Рэкет ухватился за цепь якоря, который пробил первое судно. Он дёрнул цепь на себя, затем в сторону уплывающей шхуны. Якорь описал дугу и обрушился на палубу. Шхуна вздрогнула, зачерпнула бортом воду и остановилась.

Рэкет подтянул цепь к себе, выдернул якорь из палубы и зашвырнул его обратно в сторону таверны. Якорь врезался в стену «Верблюжьего плевка» и застрял там — как экспонат в музее, только менее аккуратно.

Всё закончилось.

Рэкет стоял на пирсе — голый, покрытый копотью, щепками и рыбьей чешуёй, которая налипла на него во время драки. Он тяжело дышал — не от усталости, а от злости. Похмелье никуда не делось. Голова болела по-прежнему. Во рту было всё так же мерзко.

Он спустился с пирса по шатким деревянным мосткам — тем самым, которые ещё двадцать минут назад вели к пристани, а теперь вели в никуда, потому что половина пристани была разрушена, — и зашёл в воду.

Вода была холодной, мутной и пахла дохлой рыбой. Рэкет погрузился в неё по пояс и стоял так, позволяя волнам смывать с себя грязь, копоть и раздражение. Море шипело вокруг него, как обиженная кошка. Солнце всё так же светило.

На берегу собиралась толпа.

Сначала робко, по одному, потом всё смелее — жители Ля-Бомбера выползали из своих домов, подвалов и щелей, чтобы посмотреть на победителя. Тут были рыбаки с обветренными лицами и мозолистыми руками. Торговки рыбой — громогласные тётки, способные перекричать шторм. Какие-то старухи в чёрных платках. Детишки, которых родители не успели загнать обратно в подвал. Мальчишка-вестовой стоял в первых рядах и таращился на Рэкета с таким выражением, словно только что увидел, как ожила статуя.

И все они молчали.

А потом кто-то — кажется, тот самый трактирщик из «Верблюжьего плевка» — хлопнул в ладоши. За ним захлопал другой. Третий. Четвёртый. И вот уже вся толпа рукоплескала, свистела и кричала, и кто-то затянул старую портовую песню про героя, победившего морского змея, и кто-то побежал за выпивкой, а кто-то просто орал «ура», потому что больше ничего подходящего для такого случая не знал.

Рэкет вышел из воды.

Он стоял на берегу — голый, мокрый, с прилипшими ко лбу волосами, — и смотрел на толпу. Лицо его ничего не выражало. Вернее, выражало одну-единственную эмоцию: глубокое, почти философское отвращение.

— Герой!!! — кричала толпа. — Спаситель!!! Герой Ля-Бомбера!!!

— Заткнитесь, — сказал Рэкет.

Толпа не заткнулась. Толпа в таких случаях никогда не затыкается. Толпа была счастлива — впервые за много дней счастлива, — и своё счастье она намеревалась разделить с тем, кто его доставил, нравится ему это или нет.

Рэкет подождал, когда крики немного утихнут. Дождался. И громко заговорил:

— Вы все идиоты.

Тишина. На этот раз — полная, звенящая, какая бывает только перед скандалом.

— Мужчины — идиоты, — продолжал Рэкет ровным, усталым голосом, который разносился над площадью без всякого усилия. — Бабы — тупицы. Дети — мелкие засранцы, из которых вырастут такие же идиоты и тупицы. Пираты у вас под носом уже сто лет. Сто лет! Они грабят ваши же склады, жгут ваши же дома и топят ваши же лодки. И что вы сделали, чтобы этому помешать? Ни-хре-на. Вы сидели и ждали героя. Ждали, что придёт кто-то большой и сильный и решит за вас ваши проблемы.

Он обвёл взглядом толпу. Люди отводили глаза. Кто-то нервно кашлянул. Рыжая торговка — та самая, что громче всех кричала «ура», — побагровела и открыла рот, чтобы возразить, но передумала.

— Если бы вы построили военный флот, — произнёс Рэкет с расстановкой, — ничего бы этого не случилось. Если бы вы скинулись по медяку в год и наняли нормальную стражу, пираты обходили бы ваш поганый порт десятой дорогой. Но вы не построили. И не скинулись. Потому что строить и скидываться — это работа, это деньги. А ждать героя — это просто. Герой придёт, всех спасёт, а вы будете сидеть на задницах и хлопать в ладоши.

Он сплюнул на песок.

— Я не герой. Я просто хотел выпить. Мне помешали. Я разозлился. Вот и всё. А теперь — пошли вон. Все.

Толпа молчала. Праздник сдулся, как проколотый пузырь. Кто-то попытался возмутиться, но возмущение вышло жидким и неубедительным. Трактирщик стоял с открытым ртом. Мальчишка-вестовой смотрел на Рэкета с тем же выражением, что и раньше, только теперь к восхищению примешалась обида.

Рэкет повернулся к толпе спиной и пошёл обратно в «Верблюжий плевок».

В таверне было тихо. Якорь торчал из стены, и вокруг него осыпалась штукатурка. Бочки с пивом, которые он задел, пролетая мимо, сочились мутной жидкостью. Трактирщик — он побежал следом, семена короткими ножками, — замер на пороге и не решался войти.

— Одежду, — сказал Рэкет, не оборачиваясь.

— Что?

— Одежду. Какую-нибудь. Не могу же я ходить голым, даже в этой дыре существуют какие-то приличия.

Трактирщик сглотнул и попятился. Через пять минут он вернулся, держа в руках стопку тряпья: старые матросские штаны, рубаху с чужого плеча и жилет из вытертой кожи, который когда-то принадлежал его покойному брату. Всё вместе выглядело так, словно одежду собирали по принципу «что не жалко выбросить».

Рэкет оделся молча. Рубаха была на два размера больше и висела мешком. Штаны пришлось подпоясать обрывком верёвки. Жилет скрипел, как старая дверь. Он был зол. Зол на пиратов, на толпу, на солнце, на море, на себя, на весь этот бессмысленный, бестолковый мир, в котором нельзя даже проспать спокойно.

— Выпить, — сказал он.

Трактирщик метнулся за стойку, достал бутылку — на этот раз не прокисшего вина, а нормального, выдержанного рома, который он берёт для особых гостей, — и поставил перед Рэкетом. Рэкет посмотрел на бутылку. Посмотрел на дыру в стене. Посмотрел на якорь, который украшал теперь интерьер, как очень суровое произведение искусства.

— Счёт за ремонт пришлётся пиратам, — сказал он. — Если кто выжил.

И начал пить.

Глава 2

«Верблюжий плевок и предложение»

Таверна «Верблюжий плевок» обладала тем особым свойством, каким обладают все настоящие отвратительные заведения: в ней было невозможно определить, что воняет сильнее — пол, стены, посетители или выпивка. Скорее всего, это был коллективный труд, симфония гниения, где каждая нота звучала одинаково мерзко, но вместе они создавали нечто, что уже можно было резать ножом и подавать как фирменное блюдо.

Солнце, всё ещё мерзкое и бодрое, теперь висело прямо над крышей и старательно нагревало просмолённую дранку, отчего внутри таверны царил духота, достойная предбанника ада. Впрочем, местные завсегдатаи ада бы не заметили — они бы решили, что просто попали в место с лучшей выпивкой и более приветливым персоналом.

Рэкет сидел за тем же столом, что и вчера. И позавчера. И, кажется, неделю назад — точнее он не помнил, потому что дни в Ля-Бомбере слипались в один бесконечный, мутный ком, как волосы в сливном отверстии общественной бани.

Перед ним стояла кружка.

Содержимое кружки имело цвет, который в приличном обществе называли бы «подозрительным», а в неприличном — «уже переваренным». Это было вино. Технически. По факту же это была та специфическая субстанция, которую трактирщик выдавал за вино, когда заканчивалось всё остальное, а идти в погреб было лень. Оно прокисло ещё до того, как его разлили по бочкам, и с тех пор только совершенствовалось в своей мерзости.

Рэкет сделал глоток.

Лицо его не изменилось. Лицо его вообще редко менялось — не потому, что он был бесчувственным, а потому, что мышцы, отвечающие за мимику, находились в том же состоянии, что и всё остальное тело: в состоянии глубокого, экзистенциального пофигизма.

— Бесплатное, — сказал он кружке. — Зато бесплатное.

Кружка не ответила. Кружка была мудрее многих его собеседников.

Трактирщик — тот самый тип с лицом печёной картофелины — стоял за стойкой и делал вид, что протирает стаканы. Стаканы были грязными, тряпка была грязной, и весь процесс представлял собой скорее ритуал, чем гигиеническую процедуру. Он искоса поглядывал на Рэкета с тем выражением, с каким смотрят на ручного медведя: вроде бы зверь пока не буянит, но кто его знает, что у него на уме.

Рэкет допил кружку. Поставил её на стол. Посмотрел на неё с тем же выражением, с каким смотрел на пиратов вчера — смесью усталости и брезгливости.

— Ещё, — сказал он.

Трактирщик метнулся к бочонку. Возражать он не собирался — после вчерашнего инцидента с якорем, пиратами и дырой в стене (которую, к слову, кое-как заколотили досками, но ветер всё равно гулял, насвистывая что-то заунывное) он пришёл к выводу, что лучшее взаимодействие с Рэкетом — это минимальное взаимодействие. Дать выпить. Не спорить. Не задавать вопросов. Ждать, пока само рассосётся.

Кружка наполнилась снова.

Рэкет посмотрел на неё. В вине что-то плавало. Что-то маленькое, тёмное и, судя по всему, бывшее когда-то частью фрукта. Или насекомого. Или насекомого, которое собиралось съесть фрукт, но не успело.

— Там что-то плавает, — сказал Рэкет.

— Извинения, — пробормотал трактирщик. — Процедить забыл.

— Забудь ещё раз, — сказал Рэкет. — Мне нравится. Хоть какая-то еда.

Он выловил плавающий объект двумя пальцами, осмотрел его, пожал плечами и отправил в рот. Прожевал. Запил. Остался жив.

За окном — точнее, за тем, что осталось от окна после вчерашнего, — кипела жизнь. Кричали чайки, скрипели лебёдки, ругались грузчики. Порт Ля-Бомбер жил своей обычной жизнью, которая представляла собой бесконечный цикл погрузки, разгрузки, воровства и пьянства. Вчерашнее нападение пиратов уже забылось — в конце концов, оно закончилось хорошо (для порта) и плохо (для пиратов), а это именно тот исход, который всех устраивал. Жители Ля-Бомбера были людьми практичными: они не держали зла, потому что держать зло — это работа, а любая работа была им глубоко отвратительна.

Рэкет пил.

Это было его естественное состояние — не пьянство даже, а скорее поддержание определённого уровня алкоголя в крови, при котором мир становился терпимым. Не приятным — о приятном он уже давно не мечтал, — но хотя бы не вызывающим острого желания кого-нибудь убить. Вчерашний инцидент был исключением: его разбудили, ему помешали, и уровень алкоголя временно упал ниже критической отметки. Сегодня он методично восстанавливал норму, вливая в себя кружку за кружкой.

К обеду он уже был не то чтобы пьян, но и не трезв. Он находился в том особом, промежуточном состоянии, когда мысли текут медленно и лениво, как река Кабздец в низовьях, а тело ощущается чем-то отдельным — не совсем чужим, но и не совсем своим. В этом состоянии он мог существовать часами, ни о чём не думая, ничего не желая и ни на что не реагируя.

Идиллия.

А потом дверь открылась.

Сначала в таверну вошёл запах. Это был странный запах — смесь ладана, старой кожи и чего-то сладковатого, вроде гниющих фиалок. Запах, который совершенно не вписывался в ароматическую палитру «Верблюжьего плевок» и оттого казался особенно чужеродным. Если бы запахи умели разговаривать, этот сказал бы: «Прошу прощения, я, кажется, ошибся дверью».

Следом за запахом вошёл человек.

Он был одет в чёрный балахон — длинный, до самого пола, с глубоким капюшоном, скрывавшим лицо почти полностью. Из-под капюшона виднелся только подбородок: узкий, гладко выбритый, с тонкими, почти женскими губами, изогнутыми в лёгкой, снисходительной улыбке. Двигался он плавно, словно плыл над грязным полом, не касаясь его ногами — эффект, который достигался либо долгими тренировками в каком-нибудь храме, либо тем, что под балахоном действительно не было ног.

Рэкет предпочёл бы второй вариант. Это было бы хотя бы интересно.

Человек в балахоне остановился посреди таверны и медленно, театрально обвёл помещение взглядом. Взгляд этот — Рэкет чувствовал его кожей, хотя глаз под капюшоном не видел — скользнул по перекошенным столам, по пыльным бутылкам за стойкой, по трактирщику, который при появлении гостя попытался слиться с бочонком, и, наконец, остановился на Рэкете.

— Ты — тот самый, — произнёс человек.

Голос у него был под стать внешности: тихий, вкрадчивый, с той особой интонацией, какой обычно говорят проповедники, мошенники и люди, которые хотят продать вам что-то ненужное за большие деньги.

Рэкет сделал глоток. Помолчал. Поставил кружку.

— Смотря кто спрашивает, — сказал он. — И смотря зачем. И смотря который час. И смотря какая погода. И...

— Я спрашиваю, — перебил человек в балахоне. — И этого достаточно.

Он сделал шаг вперёд. Ещё шаг. Теперь он стоял прямо перед столом Рэкета, возвышаясь над ним, как чёрный надгробный камень. Капюшон слегка колыхнулся — ветер из дыры в стене.

— Я представляю организацию, — продолжал человек, — которая... заинтересовалась тобой. Вчерашнее представление у пирса не осталось незамеченным. Сила, которую ты продемонстрировал, впечатляет. Очень впечатляет. Такая сила не должна пропадать впустую в этой... — он сделал паузу, подбирая слово, — дыре.

— Дыра, — согласился Рэкет. — Но дыра уютная. Привык.

— Сила требует цели, — сказал человек в балахоне. — Смысла. Направления. Ты сосуд. Сосуд великой силы, которая пока что дремлет в тебе, не находя выхода. Но мы можем помочь. Мы можем направить. Культ Золотой Бзды готов принять тебя.

Он сделал ещё шаг. Теперь он стоял так близко, что Рэкет мог разглядеть вышивку на его балахоне — золотые нити, складывающиеся в символ, похожий на глаз, из которого росло что-то колючее и неприятное. То ли терновый куст, то ли паук. Символ был незнакомым, но смотрелся дорого.

— Культ, — повторил Рэкет. — Бзды.

— Золотой Бзды, — поправил человек. В голосе его появилась нотка раздражения — лёгкая, едва заметная, как трещинка на фарфоре. — Священной Земли, где ценят силу и отвергают ложь. Где таких, как ты, возносят, а не заставляют пить прокисшее вино в компании тараканов. Присоединяйся к нам. Стань тем, кем тебе суждено стать.

— И кем же?

— Богом, — просто сказал человек в балахоне. — Или чем-то очень близким.

Тишина.

Трактирщик за стойкой перестал дышать. Ему очень хотелось, чтобы всё происходящее оказалось сном, но сны в Ля-Бомбере обычно были про другое — про рыбу, про деньги, про голых женщин, — а не про мрачных культистов, предлагающих божественность. Это было ново. Это было тревожно. Это пахло неприятностями.

Рэкет допил кружку.

Поставил её на стол — аккуратно, без стука.

Затем поднял голову и посмотрел на человека в балахоне. Посмотрел не снизу вверх, как смотрят на того, кто возвышается, а как-то иначе — словно это он, Рэкет, был единственным, кто здесь имеет право смотреть на кого бы то ни было.

— Значит, культ, — сказал он. — Бзды.

— Золотой...

— Я понял. Ты уже говорил. Я не глухой. Я просто уточняю.

Человек в балахоне замолчал. Что-то в голосе Рэкета ему не понравилось. Что-то в том, как тот сидел — расслабленно, почти лениво, — не соответствовало образу человека, которого только что пригласили стать богом. Люди, которым предлагают божественность, обычно реагируют иначе. Они удивляются. Пугаются. Радуются. Задают вопросы. Торгуются. Что угодно. Они не сидят с таким лицом, будто им только что предложили купить тухлую рыбу по цене свежей.

— Ты меня услышал? — спросил человек в балахоне.

— Услышал, — сказал Рэкет. — Я всё услышал. Культ. Прими. Бог. Или что-то близкое.

— И?

— И нет.

— Что — нет?

— Нет, — повторил Рэкет. — Это такое короткое слово. Означает отказ. Означает, что я не хочу вступать в твой культ. Не хочу быть сосудом. Не хочу быть богом. И уж точно не хочу быть «чем-то близким».

Человек в балахоне замер. Его улыбка, до этого снисходительная и лёгкая, стала жёсткой. Губы сжались в тонкую линию.

— Ты не понимаешь, от чего отказываешься, — сказал он.

— Я много от чего отказывался, — ответил Рэкет. — От работы. От денег. От трезвости. От хороших манер. От общества приличных людей. И знаешь что? Ни разу не пожалел.

— Это другое.

— Это всегда другое, — сказал Рэкет. — Ты не первый, кто приходит и предлагает мне смысл жизни. До тебя были. Жрецы. Пророки. Вербовщики. Одни предлагали славу, другие — богатство, третьи — искупление. Четвёртые — просто выпить за их счёт. Эти были самыми честными. Угадай, кому я верил?

Человек в балахоне молчал. Его руки, скрытые в складках одежды, слегка шевельнулись.

— Ты оскорбляешь меня, — сказал он.

— Нет, — сказал Рэкет. — Оскорблять — это когда я называю тебя идиотом в лицо. А я пока просто отказываюсь от твоего предложения. Вежливо. Заметь — вежливо. Я даже «спасибо» сказал бы, если бы было за что.

— Ты не знаешь, с кем говоришь.

— С человеком в чёрном балахоне, который пахнет, как публичный дом при храме, и обещает сделать меня богом. Я знаю достаточно. Проваливай.

В таверне стало очень тихо. Только ветер в дыре слегка посвистывал, как будто пытался воспроизвести давно забытую песенку.

Человек в балахоне медленно, очень медленно поднял руки к капюшону. Движение было плавным, ритуальным — так фокусник готовится показать главный трюк. Капюшон упал на плечи, открывая лицо.

Лицо было красивым. Неприятно красивым — с теми же тонкими, женственными чертами, что и подбородок, с высокими скулами и бледной, почти светящейся кожей. Глаза — светлые, прозрачные, как вода в горном ручье, — смотрели с выражением, которое должно было внушать трепет. Волосы — длинные, чёрные, блестящие — волной спадали на плечи. В целом, лицо производило впечатление: это было лицо человека, который привык, что ему подчиняются.

Рэкет смотрел на него ровно две секунды.

— А, — сказал он. — Понял. Ты — тот парень, который в зеркало смотрится чаще, чем ест. Ты сегодня губки забыл подкрасить.

Лицо кульриста дёрнулось.

— Я — Верховный Адепт Культа Золотой Бзды! — произнёс он, и голос его, до этого вкрадчивый, зазвенел металлом. — Я владею тайнами, которые тебе и не снились! Я могу раздавить тебя одной мыслью! Я...

Он не закончил. Потому что Рэкет встал.

Это было не быстрое движение. Не резкое. Не угрожающее. Рэкет просто поднялся из-за стола — спокойно, даже лениво, как человек, который решил, что ему пора выйти по нужде. Но что-то в том, как он это сделал, заставило Верховного Адепта поперхнуться на полуслове.

Рэкет был выше, чем казался, когда сидел. И шире. И как-то... плотнее. Не физически — физически он был всё тем же помятым, жилистым мужиком в чужой рубаше и штанах на верёвке, — но ощущался он иначе. Словно пространство вокруг него стало гуще. Словно воздух в таверне сгустился и теперь давил на плечи.

— Значит, одной мыслью, — сказал Рэкет. — Дави. Я подожду. Десять секунд, я считать умею.

Верховный Адепт открыл рот.

Где-то в глубине таверны трактирщик тихо, очень тихо начал молиться. Он не был религиозным человеком — в Ля-Бомбере религиозных людей не водилось, потому что верить в

богов в таком месте было бы оскорблением для богов, — но сейчас он вспомнил все молитвы, которые слышал в детстве, и принялся читать их одну за другой.

— Ты... — начал Верховный Адепт.

— Я, — согласился Рэкет.

А потом он протянул руку.

Это было простое, обыденное движение. Никакой магии. Никакой скорости. Просто рука, протянутая вперёд, чтобы взять что-то. В данном случае — воротник чёрного балахона.

Верховный Адепт попытался отшатнуться. Попытался произнести заклинание. Попытался сделать хоть что-то.

Не успел.

Пальцы Рэкета сомкнулись на вышитой золотом ткани. Хватка была несильной — скорее небрежной, как хватают за шкурку нашкодившего котёнка. Но Верховный Адепт вдруг понял, что не может пошевелиться. Не потому, что его держали, — физически его держали не так уж крепко, — а потому, что тело вдруг перестало слушаться. Инстинкт, старый, как сама жизнь, заорал где-то в глубине мозга: не двигайся. Не дыши. Может, пронесёт.

— Ты говорил о сосуде, — сказал Рэкет. — О силе. О том, что я — вместилище чего-то великого. И ты, возможно, даже прав. Я не знаю. Мне неинтересно.

Он сделал шаг в сторону двери. Верховный Адепт, всё ещё удерживаемый за воротник, был вынужден последовать за ним — точнее, его поволокли, как мешок с картошкой, только мешок был шёлковый и очень дорогой.

— Но есть одна вещь, — продолжал Рэкет, — которую тебе стоит понять. Я не люблю, когда мне мешают пить. Я не люблю, когда мне обещают то, чего я не просил. И я очень, очень не люблю, когда ко мне приходят люди, которые пахнут так, будто искупались в цветочном масле, и говорят со мной так, будто я им что-то должен.

Они дошли до двери. Вернее, до того, что осталось от двери после вчерашнего. Проём частично закрывал обломок древесины, с трудом державшийся на петлях косяка.

— Ты мне ничего не должен, — прохрипел Верховный Адепт. — Я просто предлагал...

— Ты предлагал, — согласился Рэкет. — А я отказываюсь. Вежливо. Культурно. Даже без мордобоя. Видишь, какой я сегодня добрый.

И он швырнул Верховного Адепта в стену.

Не в дверь. Не в проём. В стену. В ту часть стены, что была ещё целой — дощатую, старую, немного прогнившую, но пока державшуюся.

Держалась она ровно до этого момента.

Верховный Адепт Культа Золотой Бзды пробил доски с тем же звуком, с каким ядро пробивает борт корабля, и вылетел на улицу, усеивая путь щепками, обрывками золотой вышивки и осколками собственного достоинства. Он приземлился в лужу — ту самую, что вечно стояла у порога «Верблюжьего плевка» и в которой, по слухам, водилась собственная экосистема, — и затих.

Рэкет посмотрел на дыру в стене. Посмотрел на трактирщика, который замер с открытым ртом и так и не закончил молитву. Посмотрел на свою кружку, которая, к счастью, уцелела.

— Счёт за ремонт, — сказал Рэкет, — на него.

Он кивнул в сторону дыры, из которой доносилось слабое бульканье — Верховный Адепт, судя по звукам, пытался выбраться из лужи и одновременно осознать произошедшее.

— У него дорогой балахон, — добавил Рэкет. — Хватит и на стену, и на выпивку.

Трактирщик издал звук, который мог означать что угодно: согласие, возражение, крик о помощи или просто нервный тик. Рэкет интерпретировал его как согласие и вернулся за стол.

За окном — точнее, за новой дырой в стене — слышалась возня, ругань и звук удаляющихся шагов. Верховный Адепт, видимо, решил, что сегодня он уже достаточно впечатлил местное население, и ретировался. Рэкет не стал его преследовать. Ему было лень. Кроме того,

бегать за каждым идиотом, который пришёл предложить ему божественность, — это не жизнь, а сплошная суета.

Он сел. Налил себе ещё вина — из кувшина, который трактирщик предусмотрительно оставил на столе, когда понял, что посетитель сегодня будет долгим. Вино пахло уксусом и разочарованием. Рэкет сделал глоток.

Тишина.

Трактирщик медленно, очень медленно опустил на табурет за стойкой. Его руки дрожали. Он посмотрел на дыру в стене — одну из трёх, если считать вчерашнюю от ядра и сегодняшнюю от кульриста, — и подумал, что если дело так пойдёт дальше, то к концу недели «Верблюжий плевок» превратится в одну большую дыру с вывеской.

Рэкет пил.

Солнце, наконец, перевалило за полдень и начало неторопливо сползать к горизонту. В таверне стало чуть прохладнее — благодаря дополнительной вентиляции в виде новой дыры. Мысли текли медленно, вязко, как патока. О культе Бзды Рэкет уже не думал. Мало ли сумасшедших в мире? Всех не перекидаешь.

Он допил кувшин. Поставил его на стол. Подумал, не попросить ли ещё. Решил, что пока хватит.

И в этот момент дверь открылась снова.

На этот раз запах, вошедший в таверну, был другим: смесь дорогого табака, сушёных трав и чего-то ещё — чего-то тревожного, напоминавшего о дальних странах, где песок замедляет почву, а вода ценится дороже золота. Запах был не неприятным, но чужим — как гость, который пришёл без приглашения и теперь стоит на пороге, ожидая, что ему обрадуются.

Вошёл человек.

Он был немолод — лет шестидесяти, может, больше. Высокий, сухощавый, с осанкой человека, который привык отдавать приказы и не привык, чтобы их оспаривали. Одежда на нём была дорогой, но неброской: тёмно-синий камзол из хорошего сукна, без вышивки и украшений, застёгнутый на все пуговицы, несмотря на жару; простые, но добротные штаны; сапоги из мягкой кожи, покрытые дорожной пылью. На поясе — небольшой кинжал в потёртых ножнах, явно предназначенный не для боя, а для того, чтобы резать фрукты. На пальце — перстень с камнем, который не был ни рубином, ни сапфиром, а чем-то третьим, что не поддавалось опознанию с первого взгляда.

Но главным было лицо.

Оно было изрезано морщинами — глубокими, словно шрамы, оставленными не возрастом, а тревогой. Тревога эта лежала в складках у рта, пряталась в уголках глаз, таилась в нахмуренных бровях. Так выглядят люди, которые слишком долго несли на плечах груз, который им не по силам, и теперь этот груз стал частью их скелета.

Человек остановился на пороге. Обвёл взглядом таверну — дыру в стене, трактирщика, съевшегося за стойкой, и, наконец, Рэкета.

— Господин Рэкет? — спросил он.

Голос у него был негромкий, но чёткий — голос человека, который привык, что к его словам прислушиваются, даже если он говорит шёпотом. Акцента в нём не слышалось, но чувствовалась какая-то чужеземная правильность речи — так говорят те, кто выучил язык по книгам, а не на улице.

— Смотря кто спрашивает, — сказал Рэкет.

Человек слегка улыбнулся — одними уголками губ, — и улыбка эта была такой же усталой, как и всё остальное в его облике.

— Моё имя — Варлей, — сказал он. — Я торговец. Специи, пряности, редкие масла. Из Пургении.

— Пургения, — повторил Рэкет. — Далеко.

— Да, — согласился Варлей. — Далеко.

Он подошёл к столу. Не так, как подходил Верховный Адепт — не наплывая, не пытаясь подавить, — а просто подошёл, как подходят к соседу в общей столовой. Остановился. Вопросительно посмотрел на свободный стул.

— Можно?

— Стул не мой, — сказал Рэкет. — И таверна не моя. И город не мой. Садись, если хочешь.

Варлей сел.

Трактирщик, увидев, что новый посетитель явно платежеспособен, оживился и даже сделал шаг в сторону стойки, но Рэкет остановил его лёгким движением руки.

— Вина, — сказал он. — Приличного. Не того, что ты мне подаёшь. Того, что прячешь на кухне.

Трактирщик открыл рот. Выражение его лица было таким, словно его только что уличили в преступлении, которого он не совершал, но вполне мог бы совершить, если бы знал, что за это хорошо платят.

— Я... откуда вы...

— Я чувствую, как оно булькает, когда ты ходишь, — сказал Рэкет. — Неси.

Трактирщик метнулся в подсобку. Через минуту он вернулся с запечатанной бутылкой тёмного стекла, которую держал с таким благоговением, словно это был не самогон, а святая вода. Рэкет взял бутылку, осмотрел, откупорил зубами, понюхал. Запах был крепким, но приятным — пахло чем-то вроде аниса и тёмного мёда.

— Сойдёт, — сказал он. — Две кружки.

Через секунду две кружки стояли на столе. Рэкет разлил. Пододвинул одну Варлею. Тот взял, но пить не стал — просто держал в руке, глядя на Рэкета всё с тем же усталым, оценивающим выражением.

— Вы не спрашиваете, зачем я пришёл, — сказал он.

— Ты сам скажешь, — ответил Рэкет. — Вы, торговцы, всегда говорите. Это профессиональное. Вы не можете не говорить. Вы торгуете словами так же, как и товаром.

— Вы хорошо знаете торговцев.

— Я хорошо знаю людей, которые хотят от меня что-то получить. А это примерно одно и то же.

Варлей кивнул. Сделал маленький глоток из кружки — вежливо, почти символически. Поморщился. Поставил кружку на стол.

— Вы правы, — сказал он. — Я хочу вас нанять.

— Я не нанимаюсь.

— Я знаю.

— И всё равно пришёл.

— Да.

— Значит, у тебя есть что-то, что, по-твоему, заставит меня передумать.

— Да.

Рэкет помолчал. Сделал глоток. Самогон оказался на удивление приличным — трактирщик действительно берёт его для особого случая.

— Деньги мне не нужны, — сказал он.

— Я знаю.

— Слава — тем более.

— Знаю.

— Бессмертие предлагали час назад. Я отказался.

Варлей слегка приподнял бровь — единственное движение, которое выдало его удивление.

— Не сомневаюсь, — сказал он. — Мне говорили, что вы... своеобразный человек.

— Тебе говорили. Кто?

— Разные люди. В порту много разных людей. Они болтают. Особенно когда напуганы.

— А ты не напуган.

— Я слишком стар, чтобы бояться, — сказал Варлей. — И слишком устал.

Он замолчал. Посмотрел в свою кружку. Потом поднял глаза и посмотрел прямо на Рэкета — долгим, тяжёлым взглядом, в котором читалось что-то, чего Рэкет не видел уже давно. Отчаяние. Но отчаяние не паническое, не истеричное, а спокойное, холодное, обдуманное — такое, какое бывает у людей, которые уже приняли решение и теперь просто ищут способ его исполнить.

— У меня есть сын, — сказал Варлей.

— Поздравляю, — сказал Рэкет. — Я здесь ни при чём.

Варлей пропустил реплику мимо ушей.

— Его зовут Заасраль. Ему шестнадцать. Он... — Варлей запнулся, подбирая слово, — одарённый.

— Одарённый чем?

— Магией, господин Рэкет. Магией. Причём такой, какую в Пургении не любят. Впрочем, нигде не любят. Очень не любят.

Рэкет промолчал. Магия его не интересовала. Маги его не интересовали. Всё, что он знал о магах, сводилось к тому, что они горят не дольше обычных людей и так же громко кричат.

— Я хочу отправить его в школу, — продолжал Варлей. — В Зомбику. Это специальное место, где учат таких, как он. Там он будет в безопасности. Там он научится контролировать свой дар. Но дорога до Зомбики длинная. Очень длинная. И опасная.

— Найми охрану.

— Я пытался. — Варлей усмехнулся — криво, горько. — Трижды. Первый отряд разбежался, когда мой сын случайно... проявил себя. Второй отказался, узнав, с чем именно им придётся иметь дело. Третий согласился, взял задаток и пропал. Вероятно, продал информацию о нас кому-то, кому она нужна.

— Кому она нужна?

— Многим, — сказал Варлей. — Очень многим. Маг, способный управлять распадом, — это либо оружие, либо угроза. В зависимости от того, на чьей он стороне. А мой сын пока ни на чьей. Он просто мальчик. Испуганный, злой мальчик, который сам не понимает, что с ним происходит.

Он замолчал. В таверне было тихо. Трактирщик, делавший вид, что не слушает, на самом деле слушал очень внимательно.

Рэкет допил кружку. Налил ещё.

— Допустим, — сказал он. — Допустим, я соглашусь. Допустим, я довезу твоего сына до школы. Что с этого мне?

— Золото. Столько, сколько скажете.

— Золото мне не нужно. Говорил уже.

— Тогда что?

Рэкет пожал плечами.

— Ничего. В этом-то и дело. Мне от тебя ничего не нужно.

Варлей долго смотрел на него. Морщины на его лице, казалось, стали глубже. А потом он запустил руку за пазуху и достал что-то, завернутое в кусок замши.

— Возможно, — сказал он тихо, — это изменит ваше мнение. Я наводил справки, про таких как вы.

Он положил свёрток на стол. Не развернул — просто положил и пододвинул к Рэкету. Движение было медленным, почти торжественным.

Рэкет посмотрел на свёрток. Посмотрел на Варлея. Снова на свёрток.

— Что там?

— Посмотрите.

Рэкет взял свёрток. Развернул.

Внутри лежал медальон.

Старый, очень старый — металл был покрыт патиной, края стёрлись, словно их веками тёрли пальцы. На лицевой стороне был выгравирован символ, которого Рэкет никогда не видел, но который показался ему странно, тревожно знакомым. Что-то вроде перекрещенных линий, закрученных в спираль, с точкой в центре. Символ не был красивым. Не был уродливым. Он был... неправильным. Так бывают неправильными слова, которые ты точно слышал, но не можешь вспомнить где.

— И что? — спросил Рэкет.

— Посмотрите внимательнее.

Рэкет посмотрел.

И в тот момент, когда его взгляд сфокусировался на символе — по-настоящему сфокусировался, — что-то произошло.

Глухая боль.

Не острая, не резкая, а тупая и давящая. Она родилась где-то в затылке и медленно, тягуче растеклась по всему черепу. Рэкет моргнул. Боль не исчезла. Она сидела там, в глубине, и пульсировала, словно второе сердце, которое он только что обнаружил в собственной голове.

Он опустил медальон. Боль ушла — не сразу, но ушла, оставив после себя смутное, неприятное послевкусие.

— Что это? — спросил он. Голос его прозвучал ровно, но внутри что-то изменилось. Что-то сдвинулось.

— Я не знаю, — сказал Варлей. — Но я знаю того, кто знает. Или, по крайней мере, знал когда-то.

— Не понимаю.

Варлей подался вперёд. Его усталые глаза теперь смотрели на Рэкета с новой интенсивностью — не угрожающей, но настойчивой.

— Господин Рэкет, — сказал он тихо, — я вижу, что вы не понимаете, что вы такое. Я вижу таких, как вы. Я старый человек, я многое видел. Вы сильны. Вы почти неуязвимы. Магия на вас не действует. И вы не знаете почему.

Рэкет молчал.

— Но я знаю того, — продолжал Варлей, — кто возможно сделал вас таким. Я знаю того, кто может дать ответы. Я не скажу вам, кто он. Не сейчас. Но я скажу, если вы довезёте моего сына до школы живым.

Он откинулся на спинку стула. Помолчал. Добавил:

— Довезите моего сына до школы живым, господин Рэкет. И получите имя. Имя того, кто сможет рассказать вам, откуда вы взялись.

Тишина.

Рэкет смотрел на медальон. Медальон лежал на столе — старый, потёртый, с неправильным символом, — и смотреть на него было неприятно. Не больно — боль ушла, — но именно неприятно. Как смотреть на насекомое, которое ты не можешь классифицировать.

— Откуда он у тебя? — спросил Рэкет.

— Это долгая история.

— Я не тороплюсь.

Варлей вздохнул. Потёр переносицу — движение, которое он, видимо, повторял часто, потому что на переносице уже образовалась мозоль.

— Я купил его, — сказал он. — Лет двадцать назад. На восточном базаре, у одного старого антиквара, который клялся, что эта вещь принадлежала герою Войны Титанов. Я не поверил — антиквары всегда врут. Но медальон был... странный и старинный. Очевидно, сделка для меня была выгодной. Я оставил его себе в коллекции древностей.

— И?

— И забыл о нём. До тех пор, пока не услышал о вас. О человеке, который голыми руками разогнал пиратский флот. О человеке, в которого выстрелили из пушки, а он встал и пошёл дальше. О человеке, которому плевать на магию, потому что магия ему — что слону дробина. — Варлей сделал паузу. — Я слышал много историй, господин Рэкет. Некоторые из них казались сказками. Но я старый торговец, а старые торговцы знают: у каждой сказки есть цена.

Он указал на медальон.

— Эта вещь связана с вами. Я не знаю как. Но когда я услышал о вас, я вспомнил о медальоне. Вспомнил, что антиквар говорил о «стражах». О тех, кто неуязвим. Я не понял тогда. Возможно, не понимаю и сейчас. Но я знаю, что это важно.

Рэкет взял медальон. Повертел в пальцах. Металл был холодным — неестественно холодным для вещи, которая только что лежала в свёртке. Символ на лицевой стороне, казалось, менялся в зависимости от угла зрения: то ли спираль, то ли звезда, то ли что-то третье, у чего не было названия.

— Имя, — сказал Рэкет.

— Что?

— Ты сказал, что знаешь имя. Того, кто может дать мне информацию. Кто он?

Варлей покачал головой.

— Нет, господин Рэкет. Имя — после того, как мой сын будет в безопасности. Не раньше.

— Почему?

— Потому что это единственное, что у меня есть, — сказал Варлей. — Единственное, что я могу вам предложить. Если я скажу сейчас, вы можете уйти. Можете решить, что ответы не стоят дороги. Я не могу рисковать. Мой сын — всё, что у меня осталось.

Рэкет долго смотрел на него. Лицо его было неподвижным — тем самым неподвижным, пугающим лицом, которое так напугало пиратов вчера, а до пиратов — ещё многих. Но внутри шла борьба. Не между добром и злом. Не между корыстью и бескорытием. Между пофигизмом и любопытством. А это была борьба, в которой пофигизм обычно побеждал — просто потому, что был старше, опытнее и лучше вооружён.

Но любопытство...

Любопытство — это была та редкая, почти забытая эмоция, которую Рэкет не испытывал уже много лет. Оно проснулось сейчас и тихо, настойчиво скреблось где-то внутри, как мышь в стене. Ответы. Он не задавал вопросов — уже давно перестал их задавать. Он смирился с тем, что он такое, принял это как данность и никогда не пытался выяснить, откуда взялась его сила. Потому что выяснять — это работа. А работа — это то, чего он избегал всю жизнь.

Но теперь любопытство проснулось. И требовало пищи.

— Допустим, — сказал Рэкет. — Допустим, я согласен. Сколько добираться до школы?

— Три недели. Может, месяц. В зависимости от дороги.

— Опасно?

— Очень.

— Что именно?

Варлей помедлил.

— Всё, — сказал он. — Леса, где живут твари, которых лучше не называть. Горы, где реальность истончается. Люди, которые захотят использовать моего сына или убить его. И, возможно, те, кто уже идёт за ним.

— Прекрасно, — сказал Рэкет. — Звучит как отличная идея для отпуска.

— Я не говорю, что будет легко.

— Я и не просил легко. Я вообще ни о чём не просил.

Он налил себе ещё. Выпил. Посмотрел на медальон, потом на Варлея, потом снова на медальон.

— Я берусь, — сказал он наконец. — Но с условием.

— Слушаю.

— Ты расскажешь мне всё, что знаешь о медальоне, до того, как мы выедем. Имя можешь не называть. Но всё остальное — я хочу знать сейчас.

Варлей кивнул.

— Справедливо.

— И ещё. Если твой сын вздумает действовать мне на нервы, я имею полное право заткнуть ему рот. Я терпеть его выходки не буду.

Варлей улыбнулся — впервые за весь разговор по-настоящему, хотя улыбка всё равно осталась усталой.

— Мой сын, — сказал он, — обладает характером, который можно описать как... трудный. Он заносчив. Он болтлив. Он считает себя умнее всех. И он терпеть не может, когда ему указывают.

— Чудесно.

— Но он не злой. Он просто напуган. И его язвительность — это способ спрятаться.

— Мне всё равно, — сказал Рэкет. — Прятаться, не прятаться. Главное, чтобы не мешал. Он поднял кружку.

— За сделку.

Варлей поднял свою.

— За моего сына.

Они выпили. Трактирщик, всё это время стоявший за стойкой, издал вздох облегчения — такой громкий, что услышали оба.

Дверь таверны открылась в третий раз.

И вошёл Заасраль.

Отец описал его достаточно точно: худощавый, нескладный подросток с каштановыми волосами, которые торчали в разные стороны, словно их причёсывали вилами. Одет он был практично — дорожная куртка, штаны с множеством карманов, высокие ботинки на шнуровке, — но даже в этой практичной одежде чувствовалась какая-то неловкость, словно тело ещё не привыкло к своим размерам. На плече висела дорожная сума. На поясе — несколько ножен для коротких метательных кинжалов.

Лицо его было лицом человека, который привык смотреть на мир сверху вниз, даже если мир выше него на голову. Острое, подвижное, с прыщами на подбородке и выражением превосходства, которое ещё не было заслужено, но уже активно использовалось.

Он остановился в дверях. Обвёл таверну взглядом — тем же взглядом, каким до него обводил её Варлей, но с другой интонацией: не оценивающей, а вызывающей. Задержался на дыре в стене. На трактирщике. На Рэкете.

— Папа, — сказал он, и голос у него был именно такой, какого Рэкет ожидал: высокий, ломкий, с нотками подросткового апломба, — ты серьёзно?

— Заасраль, — сказал Варлей, и в его голосе послышалась знакомая, усталая интонация родителя, который повторяет одно и то же в сотый раз. — Познакомься. Это господин Рэкет. Он будет твоим охранником до самой школы.

Заасраль посмотрел на Рэкета. Рэкет посмотрел на Заасраля.

Это была любовь с первого взгляда. В том смысле, в каком любовью называют чувство, которое испытываешь к гвоздю в ботинке.

— Этот? — Заасраль скривился. — Папа, ты серьёзно? Этот пропойца — мой охранник?

Он подошёл ближе. Теперь он стоял прямо перед столом и разглядывал Рэкета с той же тщательностью, с какой разглядывают подозрительное пятно на скатерти.

— Он же пьян, — сказал Заасраль. — В стельку. Посмотри на него. Он едва сидит. От него несёт, как из винной бочки. У него глаза красные. И он одет как... как... я даже не знаю кто. Бродяга с большой дороги, которому подали милостыню старыми штанами.

— Заасраль, — сказал Варлей с нажимом.

— Нет, папа, я серьёзно! Ты нанимаешь мне в охранники человека, который, судя по запаху, последние десять лет был счастлив только тогда, когда напивался до бессознательного состояния! Ты вообще видел его? Ты уверен, что он сможет защитить меня от опасности, а не упадёт лицом в лужу при первой же возможности?

— Заасраль, довольно.

— Я ещё не закончил! Посмотри на него! Он даже не возражает! Он просто сидит и молчит! Это не охранник, это мебель! Пьяная, старая мебель, которую забыли выкинуть на помойку!

Заасраль перевёл дух. Его лицо покраснелось, прыщи на подбородке стали заметнее. Он явно гордился своей речью — тем, как ловко он разнёс в пух и прах этого жалкого наёмника, которого отец зачем-то выкопал в этой дыре.

Рэкет поднял кружку. Сделал глоток. Поставил кружку. Посмотрел на Варлея.

— Я передумал, — сказал он.

У Варлея дёрнулось лицо.

— Господин Рэкет, пожалуйста...

— Я передумал насчёт оплаты. Ты сказал — столько золота, сколько я скажу. Я беру за полцены.

Варлей моргнул.

— Простите?

— Половина от того, что ты готов заплатить, — сказал Рэкет. — Остальное я возьму удовольствием.

Заасраль нахмурился. Он явно не понимал, что происходит, и это ему не нравилось.

— Каким ещё удовольствием? — спросил он.

Рэкет повернул голову и посмотрел на него. Посмотрел тем самым взглядом — спокойным, пустым, как колодец, в который лучше не заглядывать.

— Удовольствием его придушить, — сказал он. — Если он не заткнётся.

Заасраль начал наливать краской, словно перезрелый помидор.

— Ты... — начал он.

— Заасраль, — сказал Варлей быстро, — замолчи.

— Но он...

— Замолчи. Сейчас же.

В голосе отца было что-то такое, что Заасраль, при всей своей заносчивости, всё-таки закрыл рот. Но взгляд, которым он сверлил Рэкета, обещал многое — в основном, неприятности.

Рэкет поднялся из-за стола. Движение было всё тем же — медленным, ленивым, но заставляющим окружающих инстинктивно напрячься. Он был выше Заасраля на голову. И шире. И как-то... тяжелее, хотя мальчик весил, наверное, столько же.

— Значит, так, студент, — сказал Рэкет. — Ты меня не знаешь. Я тебя не знаю. Ты считаешь меня пьяным дерьмом. Я считаю тебя болтливым сопляком. Это нормально. Это даже хорошо. Мы друг друга не обманываем.

— Я...

— Молчи, когда я говорю. Это правило номер один. Правило номер два: ты делаешь то, что я говорю, когда я говорю, и без вопросов. Правило номер три: никакой магии без моего

разрешения. Правило номер четыре: если ты попытаешься меня травануть — я это замечу. И тогда ты будешь есть эту отраву сам. Всей рожей. Усёк?

Заасраль смотрел на него. В его глазах читалась целая гамма эмоций: гнев, унижение, возмущение, страх и что-то ещё — что-то похожее на уважение, которое он сам ещё не осознал.

— Я не буду...

— Усёк? — повторил Рэкет.

Тишина.

— Да, — выдавил Заасраль.

— Да — что?

— Да, я уяснил.

— Отлично. — Рэкет повернулся к Варлею. — Выезжаем завтра утром. Пусть твой сын выпится. И пусть возьмёт с собой всё необходимое. Дорога будет долгой.

Он допил кружку. Поставил её на стол. Посмотрел на Заасраля ещё раз — коротко, оценивающе — и вдруг усмехнулся. Усмешка была невесёлой, но и не злой. Просто констатация факта.

— Тебе повезло, что отец у тебя хороший человек, — сказал он. — Иначе я бы тебя уже выкинул в ту же дыру, что и проповедника.

Он вышел из таверны не через дверь, а через дыру в стене, которую проделал своим телом Верховный Адепт. Потому что так было быстрее. И потому что ему нравилось выходить через дыры.

Заасраль остался стоять посреди таверны. Его лицо горело. Руки сжимались в кулаки. Он смотрел то на отца, то на дыру в стене, то на кружку, из которой пил Рэкет, и не находил слов.

— Папа, — сказал он наконец, — ты нанял сумасшедшего.

— Возможно, — сказал Варлей. — Но он единственный, кто сможет довезти тебя до школы живым.

Он поднялся, кинул пару монет на стол, взял Заасраля за плечо и вывел из таверны. Трактирщик, оставшись один, посмотрел на две дыры в стене, на пустую бутылку из-под самогона и на кружку с прокисшим вином, которую Рэкет так и не допил.

— И откуда у людей деньги на такое? — спросил он в пустоту.

Пустота не ответила. Но где-то за стенами таверны чайка издала звук, очень похожий на смех.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.